

ДЭВИД ГЕРБЕРТ

ЛОУРЕНС

Влюбленные женщины

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Л81

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского *В. И. Бернацкой*
Серийное оформление *А. А. Кудрявцева*

Лоуренс, Дэвид Герберт.

Л81 Влюбленные женщины : [роман] / Дэвид Герберт Лоуренс ; [перевод с английского В. И. Бернацкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 512 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-159210-3

Самый скандальный роман Лоуренса, для которого не нашлось издателя — и автору пришлось его публиковать за собственный счет. Роман, который привел автора на скамью подсудимых — за нарушение норм общественной морали. Времена меняются — и теперь в истории двух сестер из английской глубинки, исповедующих идею «свободных отношений», не осталось ничего сенсационного. Однако психологизм романа и легкость стиля делают это произведение интересным даже для самого придирчивого читателя.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-159210-3

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая

Сестры

Однажды утром Урсула и Гудрун Брэнгуэн сидели в эркере у окна родительского дома в Бельдове, работали и болтали. Урсула вышивала, покрывая — стежок за стежком — яркий узор, Гудрун рисовала, держа картон на коленях. Они часто замолкали, возобновляя разговор, только когда кому-то из них хотелось поделиться с другой пришедшей в голову мыслью.

— Урсула, ты действительно не хочешь замуж? — спросила сестру Гудрун.

Урсула отложила рукоделье и подняла голову. Ее лицо было спокойным и сосредоточенным.

— Не знаю, — ответила она. — Все зависит от того, что ты под этим подразумеваешь.

Такой ответ слегка ошарашил Гудрун. Некоторое время она недоуменно смотрела на сестру.

— Мне кажется, — проговорила она не без иронии, — обычно под этим подразумевают вполне определенную вещь. И разве ты не считаешь, что тогда, — тут ее лицо несколько омрачилось, — ты будешь в лучшем положении, чем сейчас?

Тень пробежала по лицу Урсулы.

— Возможно, — ответила она, — хотя не уверена.

Гудрун опять помолчала, ощущая некоторое раздражение. Ей хотелось определенности.

— Значит, ты не думаешь, что каждой женщине нужен опыт замужества? — спросила она.

— По-твоему, замужество — такой уж ценный опыт? — задала встречный вопрос Урсула.

— В каком-то смысле брак — всегда опыт, — уверенно отозвалась Гудрун. — Пусть даже отрицательный.

— Совсем не обязательно, — возразила Урсула. — Скорее уж его конец.

Гудрун застыла на месте, внимательно обдумывая слова сестры.

— Да, тут есть над чем подумать, — сказала она. Разговор исчерпал себя. Гудрун почти сердито взяла в руки ластик и принялась стирать что-то в рисунке. Урсула сосредоточенно вышивала.

— Ты отказалась бы от хорошей партии? — спросила Гудрун.

— Уже от нескольких отказалась, — ответила Урсула.

— Вот как! — Гудрун густо покраснела. — И среди них был кто-нибудь стоящий?

— Был один чудесный человек, доход — тысяча в год. Он мне ужасно нравился, — сказала Урсула.

— Что ты говоришь! И у тебя не возникло искушения?

— Только чисто абстрактное, — ответила Урсула. — Когда доходит до дела, искушения как не бывало — да будь оно, я бы пулей выскочила замуж. Напротив, возникло искушение не выходить!

Лица сестер неожиданно озарились лукавством.

— Разве не удивительно, — воскликнула Гудрун, — что это искушение очень сильное? — Сестры рассмеялись, глядя друг на друга, но в глубине их душ гнезвился страх.

Последовало долгое молчание, во время которого Урсула усердно вышивала, а Гудрун работала над рисунком. Сестры были уже взрослыми: Урсуле исполнилось 26, Гудрун — 25, однако у обеих был тот особый девический облик, который присущ современным девушкам — скорее сестрам Артемиды, чем Гебы. Гудрун была наделена исключительной красотой, спокойной, безмятежной: нежная кожа, плавные изгибы тела. На ней было темно-синее шелковое платье, отделанное у шеи и на рукавах синим и зеленым кружевом, и чулки изумрудного цвета. Ее самоуверенный и недоверчивый вид резко контрастировал с обликом сестры, излучающим трепетную надежду. Обыватели, которых пугало исключительное хладнокровие Гудрун, отсутствие всяческой манерности, говорили о ней: модная штучка. Она недавно вернулась из Лондона, где провела несколько лет — училась в художественной школе и вращалась в артистических кругах.

— Я жду появления мужчины в своей жизни, — сказала Гудрун; она прикусила нижнюю губу, состроив при этом странную гримасу — лукавая усмешка с примесью страдания. Урсуле стало не по себе.

— Так ты вернулась в надежде найти его здесь? — рассмеялась она.

— Нет, конечно. Никаких поисков. Я и пальцем не пошевелила, — отрезала Гудрун. — Но если на моем пути встретится некий в высшей степени привлекательный индивидуум, и к тому же хорошо обеспеченный, ну, тогда... — Иронически оборвав фразу, она бросила на Урсулу испытующий взгляд, как бы проверяя ее реакцию. — Тебе не становится скучно? — спросила она сестру. — Неужели ты не замечаешь, что твои планы не претворяются в жизнь? Ничего не осуществляется! Все гибнет в зародыше.

— Что гибнет в зародыше? — спросила Урсула.

— Да все, ты сама, и все вокруг.

Воцарилось молчание, во время которого перед каждой из сестер смутно замаячила ее судьба.

— Это пугает, — согласилась Урсула. Опять последовала пауза. — И ты надеешься изменить жизнь всего лишь с помощью замужества?

— Похоже, это неизбежный очередной шаг, — ответила Гудрун.

Урсула обдумывала ее слова с горьким чувством. Она вот уже несколько лет работала учительницей в средней школе Уилли-Грин.

— Понимаю, — сказала она. — Если размышлять абстрактно, так может показаться. Но только представь себе, представь любого мужчину из тех, кого ты знаешь, и вообрази, что он будет каждый вечер приходить домой, говорить «привет» и целовать тебя...

Возникла неловкая пауза.

— Да, — проговорила Гудрун сдавленным голосом. — Это невыносимо. Ни с одним мужчиной такого не выдержишь.

— Конечно, есть еще дети... — прибавила с сомнением в голосе Урсула.

Лицо Гудрун ожесточилось.

— Ты действительно хочешь иметь детей, Урсула? — холодно спросила она.

Урсула изумленно и озадаченно взглянула на сестру.

— От этого не уйти, — ответила она.

— Но ты сама этого хочешь? — настаивала Гудрун. — Лично меня мысль о детях вовсе не греет.

Лицо Гудрун, лишенное всякого выражения, казалось маской. Урсула нахмурила брови.

— Возможно, это не подлинное желание, — неуверенно произнесла она. — Возможно, оно только на поверхности, а в глубине души его нет.

Гудрун посуровела. Ей не хотелось углубляться в эту проблему.

— Когда подумаешь о чужих детях... — продолжила Урсула.

Гудрун взглянула на сестру — почти враждебно.

— Вот именно, — сказала она, чтобы закрыть тему.

Сестры продолжали работать в полном молчании.

В Урсуле ощущалось постоянное внутреннее горение — она обуздывала его и подавляла. Урсула давно жила самостоятельно, сама по себе, работала изо дня в день и много размышляла, стараясь быть хозяйкой своей жизни, осмыслить происходящее. Она не жила полной жизнью, но подспудно, втайне, что-то назревало. Если б только удалось разорвать последнюю оболочку! Она старалась вырваться наружу, как ребенок из материнского чрева, но ей это не удавалось — пока. Однако у Урсулы было странное предвидение, предчувствие того, что с ней случится нечто необыкновенное.

Она отложила рукоделье и посмотрела на сестру, которую считала красавицей, абсолютной красавицей; она любовалась ее нежной бархатистой кожей, сочностью красок, изяществом линий. В манерах Гудрун была неподражаемая игривость, пикантная ироничность в сочетании со сдержанностью, почти с равнодушием. Урсула восхищалась ею от всей души.

— Почему ты вернулась домой, Рун? — спросила она. Гудрун чувствовала ее восхищение. Она откинулась на стуле и посмотрела на Урсулу из-под длинных, красиво изогнутых ресниц.

— Почему я вернулась, Урсула? — повторила она. — Я тысячу раз задавала себе этот вопрос.

— Так ты не знаешь?

— Думаю, знаю. Похоже, мое возвращение домой было просто *reguler pour mieux sauter**.

И она посмотрела на Урсулу значительным взглядом посвященного человека.

* Отступить для прыжка (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

— Понимаю, — воскликнула Урсула, пораженная и сбита с толку; было видно, что на самом деле она мало чего понимает. — Прыгнуть — но куда?

— Не важно, — ответила с царственным величием Гудрун. — Если прыгаешь, то где-нибудь обязательно приземлишься.

— Но разве это не рискованно? — спросила Урсула.

На лице Гудрун заиграла ироническая усмешка.

— Ах, — произнесла она со смехом. — Это всего лишь слова! — И Гудрун вновь оборвала разговор. Однако Урсула продолжала размышлять.

— А как тебе в родном доме? — задала она новый вопрос.

Прежде чем ответить, Гудрун некоторое время молчала. Затем спокойным и уверенным голосом произнесла:

— Я ощущаю себя чужой.

— А что ты думаешь об отце?

Гудрун взглянула на Урсулу с возмущением, словно ее приперли к стене.

— Я не думаю о нем, стараюсь не думать, — ответила она холодно.

— Понятно, — неуверенно отозвалась Урсула, и на этот раз разговор сестер действительно закончился. Они оказались перед пустотой, на краю пугающей бездны и словно заглянули в нее.

Какое-то время сестры продолжали молча работать. Щеки Гудрун зарозовели от подавляемых эмоций. Было неприятно сознавать, что пробудились прежние чувства.

— Может, стоит пойти взглянуть на свадьбу? — произнесла она нарочито небрежным тоном.

— Конечно! — слишком поспешно поддержала ее Урсула. Отбросив рукоделье, она вскочила с места, словно желая от чего-то уйти, и таким образом невольно подчеркнула напряженность ситуации. Гудрун непроизвольно содрогнулась.

Поднимаясь наверх, Урсула остро ощущала удушающую атмосферу родительского дома, она чувствовала отвращение к этому жалкому месту, где ей знаком каждый угол. Сила неприязни к дому, обстановке, ко всей атмосфере и условиям этой допотопной жизни испугала ее. Собственные чувства страшили.

Вскоре обе молодые женщины уже быстро шагали по главной магистрали Бельдовера — широкой улице, где магазины соседствовали с жилыми домами — чудовищными, бесформенными пост-

ройками, в которых жили далеко не бедные люди. Гудрун, еще не отошедшую от прежней жизни в Челси и Суссексе, передергивало от этой беспорядочной и уродливой застройки, типичной для шахтерского городка в Центральной Англии. Но она продолжала идти по длинной, унылой и пыльной улице — своеобразной гамме однообразия и ничтожества. Любой, кто хотел, мог пялиться на нее, и это было мучительно. Странно все-таки, что она решила вернуться сюда, испытать на себе сполна воздействие удушающего унылого уродства. Почему ей захотелось подвергнуть себя такому испытанию? Неужели ей все еще необходимо выносить нестерпимые пытки, общаясь с неприятными пустыми людишками и созерцая эти обезображенные места? Она ощущала себя мушкой, запутавшейся в паутине. Отвращение подступало к горлу.

Свернув с главной улицы, они миновали темный участок общественного огорода, где бесстыдно торчали почерневшие капустные кочерыжки. И никому не было стыдно. Никому не было стыдно за все это.

— Кажется, что мы в преисподней. Шахтеры докопались до нее, и вот она на поверхности. Урсула, это поразительно, действительно поразительно, просто другой мир. Люди здесь — гули, и все вокруг призрачно. Отвратительное, искаженное подобие настоящего мира, все осквернено, все омерзительно. Кажется, что сходишь с ума.

Сестры шли по затоптанной тропе через грязный пустырь. Слева открывался вид на раскинувшуюся вдали долину с шахтами и на холмы за ней, засеянные пшеницей или поросшие лесом, — на расстоянии они смутно темнели, словно под траурной вуалью. Сизый и черный дым столбами уносился ввысь — таинственное зрелище в сумерки. Ближе, по эту сторону долины, тянулись длинные ряды домов, теснясь к извилистому склону. Крыши этих домов, сложенных из темно-красного ломкого кирпича, были покрыты шифером. Тропу, по которой шли сестры, совсем черную, истоптанную шахтерами, проходившими по ней утром и вечером, отделяла от пустыря железная ограда; турникет, через который снова попадаешь на улицу, был до блеска отполирован шахтерскими ладонями. Теперь девушки шли мимо бедных лачуг. Женщины, сложив руки на фартуках из грубой материи, стояли неподалеку от своих жилищ и болтали с соседками; они провожали сестер Брэнгуэн долгими, пристальными взглядами аборигенок, а дети кричали им вслед бранные слова.

Гудрун шла как во сне. Если такое можно назвать жизнью, если эти существа — тоже люди, ведущие полноценное существование, так что же тогда ее собственный мир, такой отличный от этого? Она помнила о своих чулках цвета травы, большой велюровой шляпе того же оттенка, мягком, свободного покроя пиджаке насыщенного синего цвета. Ей казалось, что она ступает по воздуху, — такой неустойчивой она себя чувствовала; сердце ее сжималось от сознания, что она в любой момент может рухнуть на землю. Страх охватил ее.

Она вцепилась в Урсулу, которая долго жила здесь и потому привыкла к этому мрачному, извечно существующему, враждебному миру. Но сердце Гудрун продолжало кричать, как под пыткой: «Хочу назад! Хочу уехать! Не хочу ничего об этом знать! Не хочу знать, что такое существует!» Однако надо было продолжать идти вперед.

Урсула почувствовала ее состояние.

— Тебе все отвратительно? — спросила она.

— Мне не по себе, — заикаясь, произнесла Гудрун.

— Ты здесь надолго не удержишься, — уверенно сказала Урсула.

Гудрун мысленно ухватила за эту перспективу, что несколько облегчило ей путь.

Они миновали шахтерский поселок и, перевалив через холм, вступили в более чистый район, неподалеку от Уилли-Грин. Но даже здесь над полями и лесистыми холмами висело что-то вроде копоти; оно, казалось, присутствует в самом воздухе. Стоял прохладный весенний день с редкими проблесками солнца. По низу живых изгородей и в садах коттеджей Уилли-Грин распустились желтые цветки чистотела, опушились листвою кусты смородины, на свисающем с каменных стен сероватом бурачке белели крошечные цветочки.

Свернув, сестры пошли по большой дороге, проложенной в низине меж холмов; она вела к церкви. У дальнего изгиба дороги, в тени деревьев, стояла небольшая группа людей, ожидавших начала церемонии бракосочетания. Дочь Томаса Крича, самого крупного шахтовладельца региона, выходила замуж за морского офицера.

— Давай вернемся, — попросила сестру Гудрун, уже поворачивая назад. — Там эти люди.

Она колебалась, не зная, как поступить.

— Не обращай на них внимания, — посоветовала Урсула. — Они безобидные. И меня знают. Не надо их бояться.

— Нам обязательно надо идти мимо них? — спросила Гудрун.

— Говорю тебе, они не опасны, — ответила Урсула, продолжая двигаться вперед.

Сестры вместе приблизились к группе простолюдинов, — те исподлобья глазели на них. В основном там были женщины, жены шахтеров; пришли самые любопытные. У всех настороженные лица людей из низов.

Внутренне напрягшись, сестры решительно зашагали к церкви. Женщины слегка расступились, пропуская их, но сделали это с явной неохотой. Сестры молча прошли под каменными сводами ворот и поднялись по ступеням, покрытым красным ковром. За ними внимательно следил полицейский.

— Почем брала чулочки? — раздался голос за спиной Гудрун. Внезапно острая вспышка гнева пронзила ее, свирепого, убийственного гнева. Ей захотелось уничтожить всех этих людей, смести с лица земли, очистить от них мир. Сознание, что она должна на их глазах идти по красному ковру через церковный двор, было для нее невыносимо.

— Я не хочу в церковь, — заявила Гудрун так решительно, что Урсула немедленно остановилась и свернула на дорожку, которая вела на территорию школы.

Через зияющий проход в кустарнике они выбрались из церковного двора, Урсула присела отдохнуть на низкую каменную ограду в тени лаврового кустарника. За ее спиной мирно возвышалось большое красное здание школы с распахнутыми в честь праздника окнами. А впереди, за кустарником, виднелись светлая крыша и шпиль старой церкви. Густая зелень скрывала сестер от посторонних взглядов.

Гудрун сидела в полном молчании. Губы плотно сжаты, лицо повернуто в сторону. Она горько сожалела о том, что вернулась сюда. Глядя на нее, Урсула подумала, что раскрасневшаяся от негодования сестра стала еще красивее. Однако в ее присутствии Урсула чувствовала себя скованно, сестра ее утомляла. Урсуле хотелось остаться одной, освободиться от того напряжения и чувства несвободы, что возникали у нее в обществе Гудрун.

— Мы что, останемся здесь? — спросила Гудрун.

— Я только хотела немного отдохнуть, — сказала Урсула, вставая. Ее слова прозвучали как оправдание. — Мы можем постоять у площадки для файвза* — оттуда все будет видно.

В этот момент солнце ярко осветило церковный двор; в воздухе неуволимо присутствовал запах, сопутствующий весеннему пробуждению природы — возможно, то благоухали фиалки на могилах. Кое-где проклюнулись белые маргаритки — чистенькие, как ангелочки. Кроваво краснели еще не развернувшиеся листья бука.

Ровно к одиннадцати часам стали подъезжать экипажи. Толпа у ворот возбужденно зашевелилась, встречая любопытными взглядами каждую карету и выходящих гостей; они поднимались по ступеням и шли по красной ковровой дорожке в церковь. Солнце ярко светило, все были веселы и приятно возбуждены.

Гудрун внимательно рассматривала гостей — с любопытством, но беспристрастно. Каждого оценивала в целом — как персонажа из книги, или типаж с портрета, или марионетку из кукольного театра — законченные творения. Ей нравилось угадывать характерные черты этих людей, видеть их такими, как они есть, помещать в соответствующее окружение, и, пока они проходили перед ней по дорожке, она успевала сложить о них определенное мнение. Теперь она их знала, они были прочитаны, запечатаны и отштмпелеваны, став для нее совершенно неинтересными. Пока не появились сами Кричи, все было ясно и понятно. Однако с их приездом интерес Гудрун подогрелся. Кричей не так просто раскусить.

Первой приехала мать, миссис Крич, в сопровождении старшего сына Джеральда. Несмотря на очевидные старания придать ее облику в этот торжественный день благообразный вид, выглядела она неопрятно и эксцентрично. Бледное с желтизной лицо, чистая тонкая кожа, заметная сутулость, красивые, запоминающиеся черты лица, взгляд напряженный, невидящий, хищный. Бесцветные волосы не были тщательно убраны, отдельные пряди выбивались из-под синей шелковой шляпы, падая на мешковатый темно-синий шелковый жакет. Она выглядела как женщина, страдающая мономанией, чуть ли не kleptomанкой, но с дьявольской гордыней.

С ней был сын, загорелый блондин, выше среднего роста, прекрасно сложенный и подчеркнуто хорошо одетый. Некая необычность, сдержанность, окружавшая его особая аура говорили, что

* Игра наподобие ручного мяча, для двух или четырех игроков.

он слеплен не из того теста, что все остальные. Гудрун сразу обратила на него внимание. Нечто нордическое в его облике завораживало ее. Чистая кожа северянина, белокурые волосы отливали тем блеском, который, проходя сквозь ледяные кристаллы, рождает солнечный свет. Казалось, его только что создали и грязь жизни еще не коснулась его, он был чист, как арктический снег. На вид ему было лет тридцать, может, больше. Эта сияющая красота, мужественность, делающая его похожим на молодого, добродушного, весело скалящего зубы волка, не могли скрыть от Гудрун характерную, таящую недоброе скованность в осанке — она говорила о необузданном нраве. «Его тотем — волк, — сказала она себе. — А его мать — старая, неприрученная волчица». Эта мысль ее взволновала, она испытала такое чувство, будто сделала важное открытие, которое не смог бы совершить больше никто на земле. Гудрун оказалась вдруг во власти неведомых прежде ощущений, ее сотрясали дикие, яростные эмоции. «Господи! — мысленно воскликнула она. — Что же это такое?» И через мгновение уверенно пообещала себе: «Я узнаю этого мужчину ближе». Ей мучительно захотелось увидеть его снова: надо убедиться, что она не ошиблась, не обманулась и действительно испытала при виде его странные, сильные эмоции и уверенность, что знает сущность этого человека, как бы мгновенно прозрев ее. «Действительно ли я предназначена для него, и действительно ли только нас двоих окутывает бледно-золотистый арктический свет?» — спрашивала себя Гудрун. Ей трудно было в это поверить, и она пребывала в замешательстве, толком не замечая, что происходит на церковном дворе.

Подружки невесты уже приехали, а жениха все не было. Не случилось ли чего, что может помешать церемонии, подумала Урсула. Она так разволновалась, будто это касалось лично ее. Прибыли и главные подружки невесты. Урсула смотрела, как они поднимаются по ступенькам. Она знала одну из них — высокую, величавую, как бы нехотя идущую женщину с копной пышных белокурых волос над бледным удлинённым лицом. Гермiona Роддайс была другом семьи Крич. Сейчас она шла по дорожке с высоко поднятой головой, на которой покачивалась огромная плоская шляпа из бледно-желтого бархата, украшенная настоящими страусиными перьями серого цвета. Гермiona двигалась как бы в забытьи, ее длинное бледное лицо было обращено ввысь, словно она не хотела видеть этот мир. Она считалась очень богатой женщи-

ной. Платье на ней было из тонкого бледно-желтого шелковистого бархата, в руках она держала букет из небольших розовых цикламенов. Туфли и чулки были коричневато-серого оттенка в тон перьям на шляпе, волосы густые и пышные, а походка, при которой бедра пребывали неподвижными, оставляла странное впечатление, словно женщина двигалась против своей воли. Гермиона производила сильное впечатление своим изысканным туалетом в бледно-желтых и коричневато-розовых тонах, но в ее облике было нечто мрачное, почти отталкивающее. Простолюдинки, потрясенные и раздраженные, молчали, когда она проходила мимо, им хотелось отпустить ей вслед какое-нибудь язвительное словечко, но они словно оцепенели. Устремленное ввысь, удлинненное бледное лицо в духе Россетти наводило на мысль, что она, возможно, находится под воздействием наркотиков и во мраке ее сознания копошатся странные мысли, от которых не уйти.

Урсула, едва знакомая с Гермионой, как зачарованная, смотрела на нее. В центральных графствах та слыла самой необыкновенной женщиной. Ее отец, баронет из Дербишира, был человеком старой закалки — в отличие от нее, современной интеллектуалки с обостренным самосознанием. Гермиона страстно увлекалась реформированием, всей душой была предана общественному делу. Однако она слишком любила мужчин, и ее вполне удовлетворял созданный ими мир.

Ее связывали интеллектуальные и дружеские отношения со многими талантливыми мужчинами. Урсула была знакома только с одним из них — Рупертом Беркином, инспектором школ графства. Гудрун же встречала и других, в Лондоне. Вращаясь с друзьями-художниками в самых разных социальных кругах, Гудрун познакомилась со многими известными людьми. Она дважды встречалась с Гермионой, но они не понравились друг другу. Странно было увидеть ее вновь здесь, в глубинке, где их социальный статус так разнился, после того как они общались на равных в домах столичных знакомых. Гудрун пользовалась там большим успехом, среди ее друзей были и аристократы, интересующиеся искусством.

Гермиона знала, что она изысканно одета, знала она и то, что в социальном отношении среди людей, которых она может встретить в Уилли-Грин, никто ее не превзойдет. С ней считались в культурных и интеллектуальных кругах. Она была Kulturträger*, созда-

* Носитель культуры (нем.).